

Л.Ю. Бронзино, докт. социол. наук, доц. кафедры социологии Российского университета дружбы народов*

Е.Д. Осипова, асп. кафедры социологии Российского университета дружбы народов**

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ В КОНТЕКСТЕ “ОБЩЕСТВА РИСКА”

Понятие социальной ответственности, достаточно подробно разработанное современной социальной наукой, сегодня применяется все чаще, поскольку характеризует разнообразные стороны и сферы социальной жизни. Актуализация интереса к данному понятию сегодня связана с попытками социологов осмыслить сложившуюся социальную ситуацию — состояние постсовременности, характеризующееся неопределенностью и риском, обострившимися в связи с мировым экономическим кризисом. В таких условиях появляется насущная необходимость концептуализации социальной ответственности в новом контексте, сформированном обществом риска. В статье прослеживается эволюция понятия социальной ответственности от классических — установившихся в эпоху модерна — к адекватным обществу риска представлениям.

Ключевые слова: социальная ответственность, общество риска, социальная справедливость, государство, власть, сетевое общество.

The notion of social responsibility which is sufficiently detailed elaborate by modern social science is applied nowadays increasingly frequently as long as it is characterize various aspects and spheres of social life. Renewed interest in the concept today is connected with sociologist's attempts to interpret current social situation — the condition of postmodernity described by uncertainty and risk which are escalated by global economic crisis. Vital need to conceptualize social responsibility under such conditions is appeared in a new context shaped by risk society. Evolution of social responsibility concept from classical — settled in modernity — to perceptions relevant to risk society is traced back in the article.

Key words: social responsibility, risk society, social justice, state, power, network society.

“Поскольку обществу в его современном облике эта динамика не обещает ничего хорошего, оно прилагает судорожные усилия, чтобы не видеть, что прописанное им лекарство и есть то самое зло, которого оно страшится”¹.

Термины риска, неопределенности, изменчивости, турбулентности, кризиса, флуктуации, случайности сегодня являются край-

* Бронзино Любовь Юрьевна, e-mail: lbronzino@gmail.com

** Осипова Екатерина Дмитриевна, e-mail: osipova0512@rambler.ru

¹ Адорно Т. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. М., 2011. С. 44.

не востребованными социологией. Эти понятия часто встречаются в работах различных авторов, звучат на профессиональных конференциях и в целом определяют вектор развития современной социальной науки². Несмотря на многообразие интерпретаций, довольно четко прослеживается одна общая идея — осознание того, что социальная действительность изменилась до неузнаваемости и что социальные законы, характерные для прошлого, уже не действуют в мире постсовременности.

“Социальная турбулентность”, став одним из базовых трендов современной социологии, потребовала пересмотра самых разных концептов, включая давно установившиеся в социологической науке и связанные с трансформацией статуса как отдельного индивида, так и основных социальных институтов. В частности, все чаще ставится вопрос об ответственности в разных сферах жизнедеятельности: корпорации обнародуют отчеты о корпоративной социальной ответственности, политики призывают к управлению на основе социальной ответственности, подчеркивается необходимость “ответственного потребления” в сфере экономики, неправительственные организации выступают за ответственное отношение к окружающей среде и т.д. Кажется, что понятие ответственности способно стать так долго разыскиваемым общим ориентиром в современном мире. В связи с этим возникает вопрос о социологическом аспекте концепта “ответственность”: способно ли это понятие организовать социальные отношения, особенно в период осознаваемой всеми нестабильности, экономического кризиса и широкомасштабных процессов социальной трансформации?

Понятие социальной ответственности довольно широко используется в повседневной практике, но не достаточно четко определено в теории в контексте тех изменений, которые сегодня происходят в обществе. Обычно социальная ответственность рассматривается как одно из выражений ответственности в целом. Ответственность как способ взаимодействия различных сил в обществе (отдельные индивиды, организации, органы управления и т.д.) связана с возложением обязанности что-либо совершить, предъявлением на этой основе требований к соответствующему лицу (организации), а также применением санкций в случае невыполнения действий. Другими словами, социальная ответственность является качеством социального субъекта, организующим его социальные взаимодействия на основе сознательного творческого осуществления предъявляемых требований³. В широком

---

² См.: *Бронзино Л.Ю.* Наблюдение за наблюдающими: субъективные заметки участника 10 Конференции Европейской социологической ассоциации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 3 (62). С. 192–204.

³ Социологическая энциклопедия / Под ред. Г.Ю. Семигина. М., 2003. С. 129.

смысле социальная ответственность включает два взаимосвязанных элемента — определенные ожидания по отношению к лицам и общественным органам и осознание последними своего долга перед обществом, коллективом, отдельными индивидами. Социальная ответственность подразумевает, что существуют конкретные задачи и функции, которые люди должны выполнять в силу того положения, которое они занимают в обществе. Таким образом, социальная ответственность возникает на основе социальных норм и реализуется как через формы социального контроля (общественное мнение, норма, закон), так и через понимание ответственными субъектами своей социальной роли.

“...цивилизованный человек, обладая мозгами людей каменного века... предпочитает убийство любой дискуссии. Власть, собственно, и есть насилие, заручившееся патентом”⁴.

Ответственность формируется одновременно с социальными нормами и установками, как обязательство выполнять их, соответствуя ожиданиям, которые накладываются на индивида/группу/институт обществом. Теоретической основой подобного подхода неизбежно выступают все версии ролевых теорий: ответственность возлагается на индивида потому, что он занимает определенное место в общественной иерархии, социальный статус — это и есть “груз ответственности”, принятый индивидом добровольно или принудительно, в зависимости от того, какого рода обязанности на него возлагаются и каким образом данный статус был получен.

Социально-философской основой “ролевого” подхода к социальной ответственности можно назвать представления о справедливости как об установке на необходимость компенсации за любое благо, которым обладает индивид. Классической философией (наиболее очевидный пример — кантовские положения о должном) разработаны теории взаимосвязи предоставляемых обществом благ как желанного для индивида и накладываемых на него обязанностей, существовании между ними прямо пропорциональной зависимости. Конкретное воплощение философские экспликации одной из сложнейших — как для философии, так и для социологии и общественной практики — проблем получили в теориях справедливости. Дж. Ролз описывает “справедливость только как свойство общественных институтов”⁵, базирующееся, однако, на базовых моральных принципах: свобода индивида ограничена

---

⁴ Акутагава Рюноске. Слова Пигмея // Акутагава Рюноске. Мал. собр. соч. СПб., 2010. С. 661.

⁵ Ролз Дж. Справедливость как честность // Логос. 2006. № 1 (52). С. 35.

лишь свободой другого, и “неравенство допустимо только в том случае, если разумно ожидать, что оно будет выгодно для всех и при условии, что то общественное положение и те должности, с которыми оно связано, или из которых оно вытекает, являются доступными для всех”⁶.

Моральное измерение институционализированной деятельности, в рамках которой извне фиксируются границы свободы и ответственности индивида, не столько вводит однозначные правила понимания справедливости, сколько ставит целый ряд новых проблем. Во-первых, с неизбежностью возникает вопрос о связи власти и ответственности. В таком контексте власть приобретает иную принципиальную задачу: ей уже не достаточно “отвечать” за социальную организацию и социальный порядок, она также должна поддерживать справедливость.

Ответственность, реализуемая на государственном уровне, конкретизируется по отношению к действиям отдельного индивида, определение степени его ответственности за совершенные действия также возлагается на общество в целом. Совокупность моральных и прочих неформальных норм, выполняющая функцию регулятора (поддержания) справедливости, в обществах модерна отходит на второй план: высшим судьей становится государство. Тогда перед ним возникает задача принципиально иного типа — необходимо определить не только формальное соответствие между виновностью и наказанием за совершенное деяние, но и определить самого субъекта, т.е. степень его способности нести такую ответственность.

Далеко не сразу появляется в правовой практике и осмысливается социальной наукой связь ответственности и вменяемости индивида. Однозначно этот вопрос может решаться только тогда, когда существуют безусловные представления о природе человека, которые связаны либо с его рациональностью, либо с наличием внутренней психической субстанции, наделенной благодаря божественному происхождению “врожденной моралью”. Несмотря на то что социология с самого момента своего зарождения критически относилась к подобным трактовкам субъекта (рациональность либо интерпретировалась как один, хотя и лучше всего поддающийся социологическому анализу и прогнозированию аспект “человеческого слишком человеческого”, либо рассматривалась с точки зрения пользы и эффективности, исключающей изначальную этичность человека), имплицитно предполагалось, что действие социальности как некой силы, формирующей нормы сосуществования людей, направлено на создание человека, “все более

---

⁶ Там же. С. 36.

социального” — способного и предпочитающего ответственное, а значит, и ориентированное на поддержание справедливости и социального порядка, поведение.

В истории человечества с большим трудом можно отыскать подтверждение этого тезиса, скорее, она представляет собой череду примеров, доказывающих обратное. Именно государство в конечном итоге (во всяком случае, в современном западном понимании) берет на себя заботу о справедливости, нивелируя негативные проявления человеческого своеволия и эгоизма. Однако сначала власти потребовалось “создать субъекта”, подвергнув его индивидуализации и сделав тотальной собственностью суверена. Такое положение сменила “власть-господство” (“такое властное отношение, которое связывает господина и подданного парой асимметричных уз: с одной стороны, узами обложения и с другой — узами траты. Господин в рамках отношения господства изымает продукты, сельскохозяйственные сборы, предметы промысла, оружие, рабочую силу, воинское мужество, а также время, службу и не возвращает отнятое”⁷). Сколь бы ни было насильственным (или несправедливым) такое изъятие, оно не предполагает полного владения подданным или тотального контроля. Последний возникает вместе с дисциплинарной властью, несмотря на то что она выглядит менее склонной к открытым насильственным действиям. Сформированная дисциплинарная власть (“...она стремится быть исчерпывающим охватом — тела, времени, жестов индивида. Это изъятие тела, а не продукта, изъятие всего времени, а не какой-либо службы”⁸) уже не часто нуждается в открытом (хотя и легитимном) насилии, поскольку создала себе соответствующего субъекта.

Наличие недееспособных индивидов подрывает существо такой власти, потому ей необходимо найти решение двух базовых вопросов: как четко определить дееспособность? Как поступить с недееспособными таким образом, чтобы их присутствие не препятствовало осуществлению и существованию власти во всей ее полноте?

Однозначная дефиниция дееспособности, удовлетворяющая потребностям права (государства-власти) и научно обоснованная, появилась лишь в рамках “дисциплинарных” (по М. Фуко) государств. Веками под понятие сумасшедших (следовательно, в той или иной мере не способных отвечать за совершенные поступки) попадали самые разные индивиды — от больных проказой до либертинов⁹. Нарушение моральных, религиозных, правовых норм,

---

⁷ Фуко М. Психиатрическая власть. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году. СПб., 2007. С. 59–60.

⁸ Там же. С. 64.

⁹ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.

измененное психическое состояние, неприемлемое или просто сомнительное с точки зрения общепринятых установок или здравого смысла поведение могли послужить причиной объявления сумасшедшим. Объединение столь разнообразных аспектов в единое понятие создало плотный клубок противоречий, распутать который должна была научная — медицинская — практика. Понимание природы человека вновь тесно ассоциируется с рациональным поведением, хотя о ее безусловности и абсолютности говорить уже не приходится: нужно создать механизм, который взял бы на себя функции по его определению. На эту роль лучше всего подходит отдельный институт, способный определить сумасшествие и изолировать индивида, если его не удастся «привести к общему знаменателю». «Поскольку есть умственно отсталые, то есть люди, не поддающиеся школьной дисциплине, создаются специальные школы для умственно отсталых, а затем и школы для тех, кто не поддается и школам для умственно отсталых. То же самое относится и к преступникам: полиция и сами неподдающиеся совместно, в некотором смысле, организуют «преступный мир»»¹⁰.

Вопрос разрешился в рамках сформированных национальных современных государств, однако встал с новой остротой во времена трансформации как архитектуры власти, так и индивида, претерпевающего слом установившихся личностных траекторий в эпоху «текущей современности».

«Теперь перед нами природа, которая не терпит никакого управления, которая терпит лишь царство разума, в конечном счете являющегося и разумом Бога, и разумом людей»¹¹.

Принимая во внимание концепт общества риска, современные авторы настаивают на понимании совместной, коллективной ответственности. Особенно стоит рассмотреть понятие ответственности в институциональном плане: по мнению социологов, ответственность сегодня не должна ограничиваться рамками индивидуальности или группы, но должна быть основана на совместной деятельности людей.

Мера социальной ответственности исторически меняется. Сегодня, когда социальные ожидания со стороны общества значительно возросли, а количество социальных рисков увеличилось, изменились и нормы социальной ответственности. В настоящее время социальная ответственность в экономической сфере не

¹⁰ Фуко М. Психиатрическая власть... С. 72–73.

¹¹ Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1977–1978 году. СПб., 2011. С. 313.

ограничивается лишь производством качественных товаров и услуг или соблюдением экологических норм и стандартов. Сейчас под термином “социальная ответственность” подразумевается помимо количественной еще и качественная оценка социальных показателей систем и процессов (включая политику и практику управления), участие организаций в развитии территорий и включенность в решение их социальных задач.

Адекватное представлениям о классическом государстве и соответствующему мировому устройству, в котором национальные государства играют решающую роль, понимание ответственности “распыляется” и трансформируется вместе со структурами власти. В современном мире, в котором “процессы глобализации размывают метафизическую основу национального суверенитета — национальную идентичность всех без исключения стран мира”¹², происходит два внутренне противоречивых, но тем не менее комплементарных процесса. С одной стороны, ответственность “перемещается” на социетальный уровень: возникает идея, что она либо будет носить глобальный и тотальный характер, либо потеряет смысл, поскольку стоящие перед человечеством проблемы могут решаться только совместными усилиями всего мирового сообщества. С другой стороны, глобальное общество является индивидуализированным на микроуровне¹³ и потому требует от каждого человека не только ответственного поведения, но и всесторонней рефлексии ответственности.

Постоянно обновляемые, трудно прогнозируемые ситуации риска трансформируют не только внутренний мир человека, но и его повседневную жизнь, превращая ее в процесс их постоянного осмысления и калькуляции. В современном обществе наблюдается дистанцирование от влияния общественных структур, в социальной жизни личность предпочитает ориентироваться на коллективный опыт, интуицию. В результате для нашей эпохи становится характерной совершенно уникальная особенность: личности предоставляется возможность выбора социального контекста (в какие социальные отношения вступать, а в какие — нет), чего не было ни в одну предыдущую эпоху. Как показал У. Бек, модерн производит не только новые риски, но и новые рефлексивные способности, позволяющие их минимизировать¹⁴. Рефлексивность, одним

---

¹² Кортунов С.В. Крушение Вестфальской системы и становление нового мирового порядка // Клуб мировой политической экономики. URL: <http://www.wpsc.ru/text/200708310905.htm> (дата обращения: 20.02.2014).

¹³ См.: Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001.

¹⁴ Schimank U. Nothing but coping: a postheroic conception of action in turbulent times // Geneva, 7–10 September 2011. ESA 10th Conference. Social relations in turbulent times. Abstract book. Geneva, 2011. P. 538.

из видов которой является осознание социальной ответственности, распространяется и на жизненные ценности, вынуждает искать новые духовные ориентиры для осознания своего места в меняющемся социуме, роли в политических отношениях и связях с окружающей социальной средой.

Риск превратился в динамичную мобилизующую силу общества, которая в значительной степени трансформирует понятие социальной ответственности, характерное для предыдущих этапов развития человечества. Непредсказуемые рискованные ситуации разрушают институциональную систему, традиции, дезориентируют, дезинтегрируют людей, порождают фрагментарность бытия и мышления¹⁵, вызывают у современного человека ряд противоречивых психологических состояний, выражающихся в сомнениях, состоянии тревоги. Страх, неуверенность, недоверие, ощущение опасности, пессимизм, депрессия составляют структуру современной личности и характеризуют массовое сознание¹⁶.

Кризисное общество становится тем дискурсом, в котором находит свое отражение ряд различных и даже противоположных проблем, решение которых не может быть найдено моментально. Как заметили современные социологи, понятие общества риска в последнее время принимает апокалиптическую окраску и наделяется псевдорелигиозным смыслом: огромное количество угроз, нависших над обществом, воспринимается как “небесная кара за грехи” всего человечества. Все больший общественный резонанс получают проблемы социального равнодушия, беспечности в отношении будущего, складывается впечатление, что общество смирилось с неизбежной катастрофой и “опустило руки” перед угрозой беды¹⁷. Метафора З. Баумана о “текучей современности” представляет собой ключевую характеристику нашей эпохи, в которой социальные формы, отношения и социальная идентичность стали крайне неустойчивыми. Однако прибавление термина “текучесть” для характеристики состояния (пост)современности в целом оставляет неясным природу процессов постоянной социальной нестабильности¹⁸. Как доказывает теория предпринимательства

---

¹⁵ См.: Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006.

¹⁶ Бронзино Л.Ю., Витковская М.И., Курмелева Е.М. Специфика кризисного сознания в современной России // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2013. № 9–2 (36). С. 55–64.

¹⁷ Van Loon J. Accounting for the Apocalypse: constructions of epidemic space through the deployment of risk flows // Turin, 28–31 August 2013. ESA 11th Conference. Crisis, critique and change. Abstract book. Turin, 2013. P. 311.

¹⁸ Curran D. The dialectic of social liquidity and economic fixity: a critique of Bauman’s “liquid modernity” // Geneva, 7–10 September 2011. ESA 10th Conference. Social relations in turbulent times. P. 589.

Й. Шумпетера¹⁹, ускорение экономических процессов неизбежно влечет за собой изменения как в частных экономических, так и в социальных практиках общества, приводит к состоянию “текучести”. В связи с этим для разъяснения возрастающей нестабильности в условиях современности, по мнению современных социологов, больше внимания должно уделяться процессам в экономике и культуре, простого упоминания “модного”, но абстрактного понятия “текущая современность” совершенно не достаточно.

В результате всех перечисленных изменений и личности и общества в целом привычные социальные практики получают совершенно новый смысл. Меняющаяся конфигурация власти ведет к трансформации представлений об ответственности: от связанной с социальной справедливостью иерархической организации, при которой ответственность воплощается и концентрируется в деятельности государства, к распределению ответственности между всеми субъектами власти, к которым относится и гражданское общество. Последнее формируется тогда, когда отдельные граждане способны взять на себя ответственность за то, что происходит с ними, формируя сети альтернативных организаций.

Формирование сетевого общества²⁰ означает изменение глобальной конфигурации власти, хотя внутри него одновременно задаются его собственные границы. Возможность географических перемещений, казавшаяся залогом свободы и средоточием перераспределения ответственности в пользу свободно объединяющихся индивидов, была подорвана катастрофическими событиями 11 сентября — тогда пришел конец “раскрепощенной мобильности”. Такого рода кризисные моменты указывают на необходимость более жесткого контроля и новой переконфигурации власти и ответственности: в таких условиях идея “пост(аэро)мобильности”²¹ вновь трансформируется — индивидам снова нельзя доверять.

Сетевое общество становится амбивалентным: “не все выборы увеличивают свободу”²². Современные (авто)мобильные сети воспроизводят то неравенство в доступе к социальным благам, которое имеется в обществе, углубляя социальную дифференциацию и несправедливость. Это особенно очевидно при акцентировании тех процессов, в которые вовлечены пешеходы и водители: если первые вынуждены предпринимать колоссальные усилия для формирования социального сетевого капитала, опираясь на обще-

---

¹⁹ Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М., 2007.

²⁰ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

²¹ См.: Урри Дж. Мобильности. М., 2012. С. 282.

²² Там же. С. 380.

ственную (т.е. всегда более дешевую и менее комфортную) инфраструктуру, то вторые не только свободны в выборе важнейшего набора социальных взаимодействий, но и получают право управлять огромными, тяжелыми и опасными машинами, всего лишь сдав несложный экзамен. В терминологии Дж. Урри они получают “право убивать” не успевших увернуться и “сете-обделенных” пешеходов.

Амбивалентность, однако, не отменяет очевидного тренда “мобилизации” и “сетевизации”. Проявившийся сетевой характер современного социального порядка наилучшим образом демонстрирует глобальная паутина — интернет. Виртуальное пространство приобретает все большее распространение, особенно в мегаполисах, где проблемы общества, живущего на грани риска, проявляются наиболее заметно и остро. Одним из индикаторов осознания кризисности современного мира является мгновенная и зачастую бурная реакция на любые происходящие социально значимые события: в интернете сразу же появляется огромное количество заметок и фотографий на данную тему. Таким образом, виртуальная реальность превращается в пространство, в котором реализуется социальная ответственность на уровне конкретной личности, поскольку выложенная пользователями информация и высказанное мнение нацелены на придание символического значения произошедшему событию, являются способом привлечения внимания и выражения собственной точки зрения. Личность стремится осознать проблему, превратить переживание драматической ситуации в свидетельство уязвимости и незащищенности человечества. Так в современном мире появляются новые способы социализации и даже “коллективного духовного возрождения”²³.

Социальная ответственность при этом продолжает оставаться инструментом упорядочивания социальных отношений в хаотичном мире, является способом установления социальной справедливости и фактором устойчивого развития общества в условиях кризисности и нестабильности. К базовым ценностям устойчивого развития можно отнести сохранение жизни и биологического разнообразия, уважение свободы и достоинства человека, рациональный образ жизни (в том числе управление, производство, потребление), стабильность, безопасность, открытость, культурное разнообразие. Концепция устойчивого развития подразумевает снижение рисков за счет развития человека не только при помощи участия государства в решении острых социальных проблем, но и через предоставление “политических, экономических и социаль-

---

²³ *Artieri G.B.* Images and imagery of the catastrophe. The Italian earthquake on twitter // Turin, 28–31 August 2013. ESA 11th Conference. P. 324.

ных возможностей проявлять творчество и осуществлять производительный труд, чувствовать самоуважение, ощущать принадлежность к сообществу и свой вклад в общество”²⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адорно Т. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. М., 2011 (*Adorno T.* Zhargon podlinnosti. O nemeckoj ideologii. M., 2011).

Акутагава Рюноскэ. Слова Пигмея // Акутагава Рюноскэ. Мал. собр. соч. СПб., 2010 (*Akutagava Rjunoskje.* Slova Pigmeja // Akutagava Rjunoskje. Mal. sobr. soch. SPb., 2010).

Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006 (*Bodrijjar Zh.* Paroli. Ot fragmenta k fragmentu. Ekaterinburg, 2006).

Бронзино Л.Ю., Витковская М.И., Курмелева Е.М. Специфика кризисного сознания в современной России // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2013. № 9–2 (36). С. 55–64 (*Bronzino L.Ju., Vitkovskaja M.I., Kurmeleva E.M.* Specifika krizisnogo soznaniya v sovremennoj Rossii // European Social Science Journal (Evropejskij zhurnal social'nyh nauk). 2013. N 9–2 (36). S. 55–64).

Бронзино Л.Ю. Наблюдение за наблюдающими: субъективные заметки участника 10 Конференции Европейской социологической ассоциации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 3 (62). С. 192–204 (*Bronzino L.Ju.* Nabljudenie za nabljudajushhimi: subjektivnye zametki uchastnika 10 Konferencii Evropejskoj sociologicheskoi associacii // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2012. T. XV. N 3 (62). S. 192–204).

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000 (*Kastel's M.* Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura. M., 2000).

Кортунов С.В. Крушение Вестфальской системы и становление нового мирового порядка. [Электронный ресурс]. [Клуб мировой политической экономики]. URL: <http://www.wpec.ru/text/200708310905.htm> (дата обращения 20.02.2014) (*Kortunov S.V.* Krushenie Vestfal'skoj sistemy i stanovlenie novogo mirovogo porjadka // Klub mirovoj politicheskoi jekonomiki. URL: <http://www.wpec.ru/text/200708310905.htm> (data obrashhenija: 20.02.2014)).

Ролз Дж. Справедливость как честность // Логос. 2006. № 1 (52). С. 35–60 (*Rolz Dzh.* Spravedlivost' kak chestnost' // Logos. 2006. N 1 (52). S. 35–60).

Социологическая энциклопедия / Под ред. Г.Ю. Семигина М., 2003 (*Sociologicheskaja jenciklopedija / Pod red. G.Ju. Semigina M., 2003*).

Урри Дж. Мобильности. М., 2012 (*Urri Dzh.* Mobil'nosti. M., 2012).

Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997 (*Fuko M.* Istorija bezumija v klassicheskiju jepohu. SPb., 1997).

Фуко М. Психиатрическая власть. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году. СПб., 2007 (*Fuko M.* Psihiatricheskaja vlast'. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1973–1974 uchebnom godu. SPb., 2007).

---

²⁴ *Чубарова Т.В.* Распределение социальной ответственности в обществе: социальная политика государства и функции предприятия // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996. С. 538.

Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1977–1978 году. СПб., 2011 (*Fuko M. Bezopasnost', territorija, naselenie. Kurs lekcij, pročitannyj v Kollezh de Frans v 1977–1978 godu. SPb., 2011*).

Чубарова Т.В. Распределение социальной ответственности в обществе: социальная политика государства и функции предприятия // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996 (*Chubarova T.V. Raspredelenie social'noj otvetstvennosti v obshhestve: social'naja politika gosudarstva i funkcii predpriyatija // Kuda idet Rossiya?.. Social'naja transformacija postsovetskogo prostranstva. M., 1996*).

Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М., 2007 (*Shumpeter J. Teorija jekonomicheskogo razvitija. Kapitalizm, socializm i demokratija. M., 2007*).

Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001 (*Jelias N. Obshhestvo individov. M., 2001*).

Artieri G.B. Images and imagery of the catastrophe. The Italian earthquake on Twitter // Turin, 28–31 August 2013. ESA 11th Conference. Crisis, critique and change. Abstract book. Department of Culture, politics and society. Turin, 2013.

Curran D. The dialectic of social liquidity and economic fixity: a critique of Bauman's "liquid modernity" // Geneva, 7–10 September 2011. ESA 10th Conference. social relations in turbulent times. Abstract book. Geneva, 2011.

Schimank U. Nothing but coping: a postgheroic conception of action in turbulent times // Geneva, 7–10 September 2011. ESA 10th Conference. Social relations in turbulent times. Abstract book. Geneva, 2011.

Van Loon J. Accounting for the Apocalypse: constructions of epidemic space through the deployment of risk flows // Turin, 28–31 August 2013. ESA 11th Conference. Crisis, critique and change. Abstract book. Turin, 2013.